

Вячеславу Иванову

Category: Goşgular, Kitarpсу
написано kitarpсу | 25 января, 2025
Вячеславу Иванову ВЯЧЕСЛАВУ ИВАНОВУ

Когда впервые, в годы блага,
Открылся мне священный мир
И я со скал Архипелага
Заслышал зов истлевших лир,

Когда опять во мне возникла
Вся рать, мутившая Скамандр,
И дерзкий вскормленник Перикла,
И завершитель Александр, –

В душе зажглась какая вера!
С каким забвением я пил
И нектар сладостный Гомера,
И твой безумный хмель, Эсхил!

Как путник над разверстой бездной,
Над тайной двадцати веков,
Стремил я руки бесполезно
К былым теням, как в область снов.

Но путь был долог, сердце слепо,
И зоркость грез мрачили дни,
Лишь глубоко под грудой пепла
Той веры теплились огни.

И вот, в столице жизни новой,
Где всех стремящих сил простор,
Ты мне предстал: и жрец суровый,
И вечно юный тирсофор!

Как странен в шуме наших споров,
При нашей яркой слепоте,
Напев твоих победных хоров

К неумиравшей красоте!

И нашу северную лиру
Сведя на эолийский звон,
Ты возвращаешь мне и миру
Родной и близкий небосклон!

16 ноября 1903 г.

• **Самоубийца**

Картина для синематографа

Томный, стройный, строгий, грустный,
Кто ты: горец иль стрелок?
Мост согнулся неискусный
Через вспененный поток.

Что таким пристрастьем тянет
Твой, к воде склоненный, взор?
Схватит, свяжет и обманет
Волн излучистый узор.

Ты простер, уйти не смея,
Руки к пенистой судьбе.
Но из пены Лорелея
Подымает взор к тебе.

Тихо смотрит, тихо плачет,
Клонит голову в венке,
И стыдливо горе прячет
В буйно вспененной реке.

Что ты шепчешь? Кто услышит?
«Жизнь грустна. Грустнее смерть».
На мосту пустом колышет
Ветер сломанную жердь.

16 ноября 1907 г.

• Как неяркие бутоны

Как неяркие бутоны превращают лепестки
В ярко-радостные розы, ало-красные цветы, –
Так твой ропот затаенный, стоны девичей тоски,
Стали – сладостные грезы, жадно-страстные мечты!

И, как белая лилея, над прозрачностью пруда,
Закрывает в лунном свете свой убор, дыша чуть-чуть, –
Так, несмелая, пьянея, в дрожи брачного стыда,
Опускаешь взор, как дети, ты, – спеша ко мне на грудь!

Но, во мгле наставшей ночи, сны Красавицы Ночной
Дышат томно, дышат страстно, в летней, душной тишине, –
Так, опять поднявши очи, чуть лукавя с темнотою,
Ты нескромно, ты безгласно – ждешь, послушна, как во сне!

16 ноября 1914 г.

• На полустанке

Гремя, прошел экспресс. У светлых окон
Мелькнули шарфы, пледы, пижама;
Там – резкий блеск пенсне, там – черный локон,
Там – нежный женский лик, мечта сама!

Лишь дым – за поездом; в снега увлек он
Огни и образы; вокруг – снова тьма...
Блестя в морозной мгле, уже далек он,
А здесь – безлюдье, холод, ночь – нема.

Лишь тень одна стоит на полустанке
Под фонарем; вперен, должно быть, взгляд
Во тьму, но грусть – в безжизненной осанке!

Жить? Для чего? – Встречать товарных ряд,
Читать роман, где действует Агнесса,
Да снова ждать живых огней экспресса!

16 ноября 1917 г.

* * *

Так вот где жизнь таила грани:
Стол, телефон и голос грустный...
Так сталь стилета остро ранит,
И сердце, вдруг, без боли хрустнет.

И мир, весь мир, – желаний, счастлих,
(Вселенная солнц, звезд, земель их),
Испеплен, рухнет, – чьи-то части, –
Лечь в память, трупа онемелей!

Я знал, я ждал, предвидел, мерил,
Но смерть всегда нова! – Не так ли
Кураре, краткий дар Америк,
Вжигает в кровь свои пентакли?

И раньше было: жизнь межила
Пути, чтоб вскрыть иные дали...
Но юность, юность билась в жилах,
Сны, умирая, новых ждали!

И вот – все ночь. Старик упрямый,
Ты ль в сотый круг шагнешь мгновенно?
А сталь стилета входит прямо,
И яд шипит по тленным венам.

Я ждал, гадал, как сердце хрустнет,
Как рок меж роз декабрьских ранит...
Но – стол, звонок да голос грустный...
Так вот где жизнь таила грани!

16 ноября 1923 г. Goşgular